

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аллаги М. Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.73122 EDN: XBGIOJ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73122

Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади

Аллаги Мохамед Салах

ORCID: 0009-0007-8588-3461

магистр; Высший институт языков Туниса; Университет Карфагена

1003, Тунис, Тунис, г. Тунис, пр-т Ибн Мажа, 14

ya.semi@bk.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.73122

EDN:

XBGIOJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2025

Аннотация: Предметом исследования является связь фольклора и литературы. В частности, актуализируется вопрос о том, что фольклор не только сохраняет элементы исторического опыта повествований, но и служит источником культурных ценностей, которые эволюционируют вместе с трансформациями в художественном сознании. На материале произведений А. С. Пушкина и тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади анализируется, как эти элементы вплетаются в них, отражая социальные темы и архетипы персонажей, имеющие отношение к разным культурам. Целью исследования ставится доказательство того, что обращение к народным традициям выходит за рамки простой художественной их адаптации и становится мостом между культурными различиями как в одном, так и разных национальных обществах, образуя закономерность в отличающихся литературных традициях, а также играет определенную роль в формировании авторской идентичности. Основные методы, позволяющие изучить влияние фольклора на литературные произведения, строятся на текстологическом, историко-культурном и сопоставительном анализе. Новизна оценки традиционного и художественного наследия определяется через расширение понимания того, как

народные мотивы действуют в различных культурных контекстах, подчеркивая их универсальное литературное значение. В результате установления характера закрепления фольклорности в литературные формы выявляются такие факторы, как устная традиция, языковая реализация, символизм образов, мифологизм, культурная идентичность, синкретизм культурных традиций и др. Выводы, сделанные в ходе исследования, дают основания для выделения нескольких ключевых моментов: 1) соединение фольклорных и литературных жанров и стилей, 2) приобщение к богатству мировой литературы, 3) преодоление культурных и языковых барьеров, 4) преемственность и эволюция фольклора. Динамичная природа фольклора может свидетельствовать о тесной взаимосвязи между ним и современной литературой. Изучение именно такой взаимосвязи составляет перспективу дальнейших исследований.

Ключевые слова:

культурная идентичность, народные мотивы, народные устные традиции, повествование, пушкинский фольклоризм, синкретизм культурных традиций, сказки, тунисская литература, фольклор, художественное сознание

Если задаться вопросом, что объединяет самых разных мастеров художественного слова, таких как А. С. Пушкин и Махмуд аль-Мас'ади, то ответ окажется простым. Это их способность насыщать свой творческий гений образами народного творчества. Для литераторов разных эпох и культур фольклорные традиции не только служат источником вдохновения. В своих произведениях они выстраивают для традиционных народных сказаний литературную трактовку, придавая их всемирной известности. С уверенностью можно утверждать, что связь между фольклором и литературой представляет собой один из фундаментальных процессов развития мировой культуры. Этот симбиоз, проявляющийся в поэтической и прозаической типах деятельности, позволяет проследить эволюцию художественного мышления от древнейших форм словесности до современного литературного процесса.

Александр Пушкин, которого можно считать отцом русской литературы, оказался под глубоким влиянием русских фольклорных традиций. Его обращение к народным истокам, мифам и устной традиции в целом не только несло в себе художественный потенциал, но и имело исследовательский интерес, отражая глубокое восприятие культурного наследия России. В его приобщении к народной культуре определенную роль сыграла его няня, Арина Родионовна. В детстве она рассказывала ему многочисленные народные сказки и пела песни, которые впоследствии могли в какой-то мере наложить отпечаток на его литературные принципы. Однако, как утверждал А. Д. Соймонов, ссылаясь на доводы П. В. Анненкова, «нельзя объяснять интерес поэта к народной словесности влиянием на него Арины Родионовны» [1, с. 171]. Ученый-фольклорист апеллирует при этом к биографическому факту Пушкина, относящемуся к периоду ссылки 1824–1826 гг. в Михайловском, о сборе им, в частности, народной песенной поэзии и отношению его к фольклору, исходя из эволюции его творческого метода. В этой связи А. Д. Соймонов ищет истоки фольклоризма Пушкина в осмыслении народности, которую поэт понимал как «образ мыслей и чувствований», «тьму обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [1, с. 177]. Научное изучение фольклорного наследия Пушкина главным образом сосредоточилось на сказочных сюжетах его произведений. Остановимся на наиболее, с нашей точки зрения, заслуживающих внимания взглядах.

Ставя вопрос: «Ограничиваются ли поэт подражанием образцам отечественной народной поэзии?», – Р. Якобсон пишет: «Пушкинская техника – это техника коллажа» [2, с. 208]. При этом он поясняет, что «персонажи пушкинских сказок, непременно заимствованные из западных источников – из сказок братьев Гримм, Ирвинга, Галлана, – представлены преимущественно в русском фольклорном обличье» [Там же]. М. Азадовский и Дж. МакГавран пересматривают происхождение сказок Александра Пушкина, соотнося их с западноевропейскими литературными источниками, в частности братьев Гримм. Авторы анализируют конкретные сказки, выявляя коренное сходство с их произведениями и другой европейской литературой, например, с произведениями Вашингтона Ирвинга. Они пытаются доказать, что обращение Пушкина к фольклору было продуманным ответом на современные литературные и политические дебаты, связанные с концепцией «народности» или идеи национального характера в литературе [3]. Этот ответ был направлен на некоторое преодоление культурных различий в сословно расслоенном обществе и выражение национальных чувств с помощью универсального литературного языка. Тем самым, демонстрируя свою способность опираться на народный язык и тематическое соответствие как русского, так и европейского фольклора, Пушкин своими произведениями добивается принятия и возвышения устного народного творчества, чтобы находиться на одном уровне культурного развития европейской литературы.

Поставив целью выяснить источники «Сказки о золотом петушке», Л. Селиванова рассматривает ее на основе сравнительно-исторического метода с использованием литературной антропологии. По ее мнению, великий поэт создал текст, воспринимаемый как настоящая русская народная сказка, творчески переработав все имеющиеся у него западные и восточные варианты, а также русский лубок и даже литературные мистификации [5]. И. Народицкая усматривает в этой сказке различные метаморфозы, которые претерпевает легенда об арабском астрологе (из «Сказок Альгамбры», 1832), перекочевывая от Вашингтона Ирвинга к Пушкину через его друга князя Д. Долгорукого [5]. В ее статье «рассматриваются пересечения между двумя литературными текстами, а также трансформация образов главных героев и их взаимоотношений в контексте центральной фабулы – в частности, то, как готическая принцесса из сказки Ирвинга превращается в пушкинскую Шемаханскую царицу, и как сюжет соотносится с историческим присоединением Азербайджана к России» [5, с. 109]. В. М. Касьянова исследует сказки Пушкина в плане отражения в них разных аспектов жизни русского человека, в том числе особенностей социального статуса героев, их традиционных занятий, коммуникативного и речевого поведения [6].

Целью настоящей статьи является обобщенное представление фольклоризма Пушкина и выявление закономерности влияния народного достояния на авторскую литературную деятельность. Доказательству того, что народные мотивы слились не только со сказками, но и другими произведениями А. С. Пушкина, способствовало применение следующих методологических подходов: 1) текстологического анализа, 2) исторического исследования культурного контекста России начала XIX в., 3) анализа народных элементов в языке Пушкина. Кроме этого, компаративный метод позволил провести параллель относительно рассматриваемого феномена в другой культуре, в частности на примере романа «Плотина» тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади. Такая сравнительная перспектива подчеркивает универсальное значение народного искусства и выделяет общие темы в различных литературных традициях, тем самым обогащая общее понимание того, как народные повествования питают и дополняют литературное творчество. Такой подход позволяет новаторски переплести историко-культурный анализ и литературную оценку, изучить, как метаморфозы народных традиций действуют как на

творчество Пушкина, так и на более широкий литературный ландшафт.

В результате изучения влияния фольклорных традиций на пушкинскую художественную картину мира удалось выделить конкретные аспекты его творческого кредо. Это:

1. Влияние сказок. Русские сказки составили структурную и содержательно-тематическую основу пушкинской сюжетности сказочного типа. Яркий пример фольклорного подхода прежде всего к композиционному характеру можно увидеть в «Руслане и Людмиле», где Пушкин начинает со строк: «У лукоморья дуб зелёный; / Златая цепь на дубе том: / И днём и ночью кот учёный / Всё ходит по цепи кругом...», – которые прямо отсылают к традиционному сказочному вступлению. В такие сказки, как «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане», вошли традиционные русские народные мотивы и персонажи. Например, в последней различимы типы персонажей, воплощающих в себе традиционные характеристики: злые сестры царицы и сваты, готовящие коварный заговор против молодой жены царя; образ царя как типичного русского правителя, могущественного, но порой вводимого в заблуждение недобрыми советниками; князь Гвидон как русский идеал благородного молодого героя; купцы, олицетворяющие важную роль торговли в русском обществе. Здесь же наблюдаются культурные маркеры: отсылки к традиционным русским праздникам и торжествам (подготовка к первой встрече зимы, что подтверждает в начале сказки рассказ о занятии девушек рукоделием в доме, которое было возможно по окончании работ в поле; свадьба царя; рождение богатыря «к исходу сентября») [7, с. 115-116]; гостеприимство как русская добродетель. Наиболее отмеченными в национальном смысле произведениями фольклорного жанра, вероятно, являются «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о медведихе». Первая – сатирическая народная сказка, которая буквально повторяет устный стиль повествования традиционных русских сказок. В ней сохраняются антиклерикальные настроения и напрямую перенимаются языковые модели и структура устного повествования, включая характерный для него шутливый тон и нравоучительные уроки [см.: 1; 2; 3; 8]. Вторая «написана по русским народным источникам» [7, с. 112].

2. Мифологические элементы. Такие произведения, как «Руслан и Людмила», демонстрируют глубокую интеграцию Пушкиным славянских мифологических персонажей. В поэме присутствуют волшебные существа из славянского фольклора Баба Яга, Кащей бессмертный, говорящие магические существа и сверхъестественные превращения, демонстрирующие его способность вплетать традиционные мифологические элементы в литературное повествование.

3. Исторический фольклор. Так, исторический контекст просматривается в «Сказке о попе и о работнике его Балде», где поп показан жадным и трусливым, что свидетельствует о более широкой социальной критике власти и сословных отношений. В «Сказке о царе Салтане» приморская обстановка отражает морские амбиции и торговые пути России. Отвлекаясь от сказок, нельзя не упомянуть роман «Капитанская дочка», в котором Пушкин использовал народные легенды, устные исторические предания и традиционные приемы сказаний. В его исторических произведениях фактические события часто сочетаются с фольклорными методами.

4. Жанр повествования. Повествовательный стиль Пушкина часто имитировал традицию устного рассказа, опираясь на разговорный тон, прямое обращение к аудитории и структурные элементы, характерные для народных повествований. Так, «Сказка о царе Салтане» отличается элементами повествования, сопряженными с национальными русскими чертами, такими как: 1) использование традиционных русских сказочных и

ритмических схем, включая характерные тройные повторы; 2) действие происходит в царской столице с ярко выраженной динамикой русского царского двора; 3) включение русской купеческой культуры через торговых гостей, которые приносят новости между царствами.

Благодаря такому подходу в его произведениях чувствовалась одновременно утонченность и тесная связь с традиционным устным творчеством. Между тем у него прослеживается трансформация отдельных народных мотивов по мере их перехода из устной традиции в литературное произведение. Например, изучение того, как поэт изменил традиционный мотив «трех испытаний» в «Сказке о царе Салтане», помогают понять, как он адаптировал и возвысил эти элементы и тем самым внес новшество в жанр повествования. Вместо того чтобы герой выполнил три задания, чтобы получить желаемое (типичная народная структура), Пушкин превратил это в три чуда, которые являются атрибутами острова Гвидона: 1) белка, раскалывающая золотые орехи с изумрудными ядрами; 2) тридцать три закованных в латы витязя, выходящих из волн; 3) Царевна-Лебедь, самая прекрасная дева в мире. Эта модификация служит сразу нескольким целям. Во-первых, вместо испытаний героических способностей эти чудеса становятся символами процветания и божественной благосклонности. Во-вторых, они создают растущую шкалу чудес, которая способствует развитию сюжета. В-третьих, каждое чудо усиливает любопытство Салтана, создавая напряжение в сюжете. В-четвертых, они служат доказательством законности правления Гвидона и его достоинства. Эта модификация отражает переход от традиционного народного внимания к индивидуальным достижениям к более широким темам управления и социальной гармонии.

5. Языковое наследие. Помимо повествовательного содержания, у Пушкина присутствует следование фольклорным языковым традициям. Он собирал и изучал народные песни, пословицы и идиоматические выражения, аутентично внедряя их в свои произведения. Возвращаясь к «Капитанской дочке», мы находим в эпиграфах и речи персонажей этого романа множество русских пословиц и поговорок, которые придают произведению народный колорит и выражают мудрость народа. Вот некоторые из них: «Береги честь смолоду» – эта пословица является эпиграфом к роману и подчеркивает важность чести и достоинства; «Береги платье снову, а честь смолоду» – так наставлял Андрей Петрович сына, отправляя его на службу; «Стерпится, слюбится» – капитанша Василиса Егоровна использует эту поговорку, чтобы выразить надежду на лучшее; «На грех мастера нет» – Василиса Егоровна, предостерегая Петра Гринева от неблаговидных поступков; «Незваный гость хуже татарина» – эпиграф к главе VIII, подчеркивающий нежелательность незваных гостей; «Семь бед, один ответ» – Петр Гринев использует эту пословицу, чтобы выразить решимость и готовность к трудностям; «Худой мир лучше доброй ссоры» – Иван Игнатьевич употребляет эту поговорку, подчеркивая важность мира и согласия и т.д. В «Сказке о рыбаке и рыбке», например, встречается такое выражение, как «Не садися не в свои сани». Такой подход помог стандартизировать русский литературный язык, сохранив его богатые фольклорные корни.

6. Поэтическая форма. На разработку Пушкиным поэтической формы, известной как «русский метр» (тактовик), повлияло изучение народной поэзии. Эта форма позволила ему передать ритм и дух традиционного русского стиха [см.: 8]. Примером истинно народного стиля у поэта можно назвать малоизвестную и незаконченную «Сказку о медведихе», которая близка народной песне или причитанию. Сюжет сказки сводится к тому, что мужик «пускался на медведиху, / Он сажал в нее рогатину, / Что повыше пупа, пониже печени. / Грязнулась медведиха о сырь землю, / А мужик-то ей брюхо порол, /

Брюхо порол, да шкуру сымал, / Малых медвежатушек в мешок поклал, / А поклавши-то домой пошел» [\[9, с. 31\]](#). Дознавшись про это, «медведь запечалился, / Голову повесил, голосом завыл» [\[9, с. 41\]](#). В этом плаче отразились все специфические черты горевания по покойным. Кроме этого, собравшихся на поминки зверей Пушкин, по фольклорной традиции, наделяет человеческими качествами, закрепляя за ними принадлежность к «меньшему» или «большему» сословию: сам медведь – боярин, волк – дворянин с «зубами закусливыми», «глазами завистливыми», бобр с «жирным хвостом» – торговый гость, зайка-смерд – «зайка беленький, зайка серенький», лисица – «подъячиха, казначеиха» и т.п. Медведиха же сама символизирует материнскую заботу и защиту. Все эти образы – не что иное, как символы простонародного восприятия.

7. Символизм – примечательная характеристика пушкинского фольклоризма. Он связан не только с антропоморфизмом, что очевидно в рассмотренной выше сказке или «Сказке о рыбаке и рыбке», где золотая рыбка символизирует не просто исполнение желаний, но неприятие человеческой жадности и неблагодарности, или «Сказке о золотом петушке», в которой образ петушка – символ предостережения и мудрости. Так, три девицы из «Сказки о царе Салтане» напоминают мифологических древнегреческих Мойр, которые прядут нить судьбы человека и которым соответствовали древнеримские Парки. А символика трех чудес параллельна религиозной нумерологии, где число три имеет сакральное значение.

8. Синкретический характер русских культурных традиций. Пушкин органично сочетал христианские элементы с магическими фольклорными элементами, а не явно делал религиозные отсылки. В этом он следовал примеру сказаний, в которых православное христианство часто сливалось с дохристианскими народными верованиями. В «Сказке о царе Салтане» Пушкин тонко вплел в волшебное повествование православные элементы, что просматривается в следующем: 1) тема чудесного превращения соотносится с христианскими представлениями о преображении: Царевна-Лебедь превращается из птицы в человека, что напоминает религиозные темы духовных метаморфоз; 2) тройная структура присутствует на протяжении всей сказки (отсылка к Святой Троице); 3) чудо-город на острове Буян по своим чертам напоминает православную церковную архитектуру, в том числе золотые купола – характерный атрибут русских православных храмов; 4) концепция божественного милосердия и прощения проявляется в finale сказки, где царь Салтан прощает гонителей своей жены, что отражает христианские добродетели; 5) понятие благословения и благодати вырисовывается в магических вмешательствах, помогающих добродетельным героям, подобно православному представлению о божественном провидении.

9. Взаимодействие с народными поэтами. Общение Пушкина с народными поэтами, в частности с Федором Слепушкиным, также способствовало пониманию и восприятию им фольклора. Эти обмены обогатили его творчество и помогли ему включить подлинные народные элементы в свои произведения [см.: 8, с. 138–151].

Следует отметить, что сами произведения Пушкина стали предметом народного творчества. Так, его сказки всегда были излюбленной темой для живописной школы Палеха, знаменитого старинного центра иконописи и лаковых миниатюрных шкатулок.

Таким образом, использование Пушкиным фольклорных мотивов в произведениях обусловлено личным проникновением русской народной культурой, которое совпало с возникшим в меняющемся обществе интересом к народным традициям. Вплетая народные элементы в свои литературные произведения, он создал своеобразный литературно-художественный стиль. Народные сказки давали богатый символический и

повествовательный материал, который Пушкин смог превратить в литературные произведения, ставшие доступными широкой русской аудитории. Наконец, Пушкин считал фольклор кладезем народной мудрости и духовных истин, что проявилось у него в раскрытии таких общечеловеческих тем, как любовь, судьба и справедливость, но в ярко выраженной русской манере.

Описанная тенденция не является уникальной в отношении Пушкина. Она распространяется на литературно-творческий стиль множества писателей – выразителей разных культур. Обычай устного «пересказа» историй пережил возрождение и в тунисской культуре. А. Ю. Коровкина в своей книге, исследуя сложное взаимодействие традиций и модернизации в современной тунисской народной культуре, замечает, что современный фольклорист выступает не только как хранитель фольклора, но и как новатор, адаптируя традиционные истории для отражения актуальных проблем и изменений в обществе. А истории, рассказанные сегодня или составляющие сюжетно-тематическую линию художественных произведений, могут включать в себя современные проблемы и личный опыт, демонстрируя, что фольклор динамичен и продолжает развиваться [\[10, с. 136–139\]](#).

В этой связи настоящая статья в дискуссионном порядке предлагает рассмотреть произведение тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади (аль-Мессади) «Плотина» («Es'soud» (1940/1955), англ. «The dam», фр. «Le Barrage» [\[11\]](#)) как текст, служащий нитью для философского подхода к распознаванию колебаний между различными формами мышления, превращая его в точку пересечения фольклорных мотивов и авторского повествования. Философский феномен романа, а по сути драмы, Махмуда аль-Мас'ади заключается в попытке реализовать ряд современных экзистенциальных концепций, совместив их с древним исламским мистицизмом. Гуманизация темы борьбы с человеческой слабостью, выражающаяся в том, что читателю трудно определить пространственно-временной континуум в повествовании, – послание автора людям действовать и сопротивляться. В таком сопротивлении эпического героя Гилана засухе, преодолении опасностей и страданий, чтобы осуществить свою мечту построить плотину на бесплодной земле, усматривается символизм, сочетающийся с мифологизацией. Сахаба, богиня засухи, угрожает ему и его спутнице Маймуне несчастьями и бедами, если он посмеет подавить свою слабость. Но голос Майари, возникающий в воображении героя, но представленный как реальный, мучает его красочными напоминаниями о неспособности измениться и становится той силой, которая оказалась способной противостоять Сахабе и побудила его к действию.

В самом выборе писателем названия романа видится отсылка к арабской идентичности, скорее к исламскому фону, который возвращает нас к памяти о ковчеге Ноя, построенном им, чтобы защитить человечество. Смысл плотины для аль-Мас'ади – в возрождении жизни на земле, убиваемой природной стихией. Имя Гилан также символично. Оно дано арабами джиннам и демонам, которые являлись человеку, когда он путешествовал по пустыне и безлюдным местам, чтобы сбить его с пути, представляясь в различных формах и состояниях. Аль-Мас'ади изобразил Гилана, буквально воплощающего в себе смысл имени, а именно Упырь, что видно по его действиям, бормотанию. Женское начало играет в этой драме роль интеллектуального присутствия. Так, Маймuna заключает в себе глубинный символический смысл: она совесть и реалистичный барьер, напоминающий Гилану о пределах человеческих возможностей. Напротив, Майари – поэтический, романтический символ человеческой мечты, фантастический призрак, подаривший ему свою любовь, питающий его решимость и толкающий его вперед, несмотря на неудачу предпринятого эксперимента. Она

олицетворяет мечту Гилана.

Гора как образ, на наш взгляд, сопоставима с горой Ухуд, где откровение снизошло на Святого Пророка, а вода для Гилана – это жизнь, символ продолжения жизни, так же, как и небо. Небо – спасательный круг Гилана и единственное решение для перемен. Герой романа говорит владелице земли: «Эта пыльная, морщинистая земля подобна старухе, я оплодотворю ее водой, наполню ее чрево и принесу жизнь». Он верит, что «нет ни одной границы или преграды, которую решимость не смогла бы разрушить». Однако обещание Сахабы сбывается: небо покрывается тучами гнева и мести, и Гилан поднимается с земли на небо. Так заканчивает свое повествование мыслитель, дав читателю повод для размышлений. Перед героем драмы он поставил сложную задачу: построить плотину в трудных условиях и своей решимостью бросить вызов жестокости природы и Вселенной, а в случае неудачи сохранить свою честь, которая и выразилась в попытке преодолеть себя.

«Плотина» Махмуда аль-Мас'ади, таким образом, обнаруживает принадлежность к литературному жанру, который соединил в себе миф, символизм и фольклор. Последнее особенно проявляется в стиле письма: большая часть книги написана на тунисском арабском, или дариджа, что подтверждает осознание тунисской идентичности и приверженность традиционной народной культуре.

Итак, рассмотрение влияния фольклора на самых разных примерах позволяет говорить о его закономерном характере в выражении межнациональной образности.

В заключение можно прийти к выводу о том, что отличие подходов к интеграции фольклора у Пушкина и аль-Мас'ади, состоящее в том, что каждый автор рассматривает народные традиции в контексте своих сюжетов, только усиливает значение фольклорной составляющей для понимания современной литературы. Подход Пушкина – это не просто переработка русских элементов, а приобщение к богатству мировой литературы, преодоление культурных границ и возвышение простонародного языка до уровня литературной изысканности. В пушкинских произведениях фольклор превращается в средство культурной рефлексии и литературного новаторства. В литературе аль-Мас'ади, напротив, фольклор сливаются с более современным повествованием, запечатлевая тунисскую идентичность и традиционную культуру через призму существующих проблем. Его подход отражает интеграцию, которая не только оберегает фольклор, но и переосмысливает его в рамках нового времени, позволяя повествованию резонировать с текущей культурной динамикой общественного сознания. Фольклор в этом случае – это не просто наследие прошлого, а живая память, которая продолжает формировать и развивать художественную среду. В итоге складывается комплексное понимание того, как фольклор формирует культурную идентичность и в конечном счете оптимизирует наше отношение к литературе нового времени как средству, соединяющему мудрое слово далекого прошлого и живые реалии в разных культурах. Перспективой дальнейших исследований может стать взаимосвязь между фольклором и современной литературой, что очень важно, поскольку и сам фольклор при сохранении элементов исторических нарративов приобретает новые черты благодаря авторскому влиянию и изменениям в социальной жизни.

Библиография

- Соймонов А. Д. А.С. Пушкин // Литературное наследство. Т. 79: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского / Ред. С. А. Макашин [и др.]. М.: Наука, 1968. С. 171-230.
- Якобсон Р. Пушкин и народная поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы /

- Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 206-209.
3. Azadovsky M., McGavran J. The Sources of Pushkin's Fairy Tales // Pushkin Review / Пушкинский Вестник. 2018. № 20. С. 5-40. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604236>
4. Selivanova L. The Sources of Aleksander Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel": the West, the East, or Russia? // ISTORIYA. 2022. № 13(7(117)) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022356-0-1>. doi: 10.18254/S207987840022356-0
5. Naroditskaya I. The Enigma of the Golden Cockerel: Catch It if You Can // Современные проблемы музыкоznания / Contemporary Musicology. 2023. № 3. С. 107-125. doi: 10.56620/2587-9731-2023-3-107-125
6. Касьянова В. М. Сказки А. С. Пушкина как «Энциклопедия русской жизни» // Говор: альманах. 2024. № 8. С. 21-31. doi: 10.48612/govor/tx18-xgh8-5kea
7. Лазарева Л. Н. Празднично-мифологические мотивы в сказках А. С. Пушкина // Вестник ЧелГУ. 1999. № 1. С. 111-121.
8. Wachtel M. Pushkin's Turn to Folklore // Pushkin Review / Пушкинский Вестник. 2019. № 21. С. 107-154. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604054>
9. Пушкин А. С. Сказка о медведихе. М.: ООО «ДА!Медиа», 2014.
10. Коровкина А. Ю. Народная культура в современном Тунисе. М.: ИД «Медина», 2019.
11. Messadi M. Le Barrage / trad. A. Guellouz. Arcantere Editions – UNESCO, 1997.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования выступают фольклорные традиции в творчестве выдающегося русского мастера художественного слова А. С. Пушкина и тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади (аль-Мессади). Отмечается, что «Александр Пушкин, которого можно считать отцом русской литературы, оказался под глубоким влиянием русских фольклорных традиций. Его обращение к народным истокам, мифам и устной традиции в целом не только несло в себе художественный потенциал, но и имело исследовательский интерес, отражая глубокое восприятие культурного наследия России». Стоит сказать, что фольклоризм Пушкина становился предметом многочисленных научных изысканий, однако проблема осмыслиения фольклорных традиций и особенностей их включения в произведения Пушкина недостаточно изучена, чем собственно и обусловлена актуальность данной работы.

Теоретическую основу исследования составили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как Р. Якобсон, А. Д. Соймонов, В. М. Касьянова, Л. Н. Лазарева, Л. Селиванова, А. Ю. Коровкина, Марк Азадовский, Джей Макгаврен, Майкл Вахтель и др., посвященные разным аспектам литературного наследия Александра Пушкина и народной культуре в современном Тунисе. Библиография насчитывает 11 источников и соответствует специфике предмета, содержательным требованиям.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами («обобщенное представление фольклоризма Пушкина и выявление закономерности влияния народного достояния на авторскую литературную деятельность») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описание, текстологический анализ, функционально-семантический и лингвокультурологический анализ, а также компаративный метод, который позволил провести параллель относительно рассматриваемого феномена в другой культуре, в частности на примере романа

«Плотина» Махмуда аль-Мас'ади: «такая сравнительная перспектива подчеркивает универсальное значение народного искусства и выделяет общие темы в различных литературных традициях, тем самым обогащая общее понимание того, как народные повествования питаются и дополняют литературное творчество», «такой подход позволяет новаторски переплести историко-культурный анализ и литературную оценку, изучить, как метаморфозы народных традиций действуют как на творчество Пушкина, так и на более широкий литературный ландшафт».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования изучено влияние фольклорных традиций на пушкинскую художественную картину мира; выделены конкретные аспекты его творческого кредо; рассмотрено произведение «Плотина» Махмуда аль-Мас'ади, «как текст, служащий нитью для философского подхода к распознаванию колебаний между различными формами мышления, превращая его в точку пересечения фольклорных мотивов и авторского повествования». Делается вывод о специфике фольклоризма каждого писателя: «отличие подходов к интеграции фольклора у Пушкина и аль-Мас'ади, состоящее в том, что каждый автор рассматривает народные традиции в контексте своих сюжетов, только усиливает значение фольклорной составляющей для понимания современной литературы».

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение творчества А. С. Пушкина, в том числе его фольклорных традиций, а также могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Материалы и результаты работы могут быть использованы в курсах по истории русской литературы XIX века, по устному народному творчеству и др. Следует согласиться с автором(ами), что перспективой дальнейших исследований может стать взаимосвязь между фольклором и современной литературой, поскольку и сам фольклор при сохранении элементов исторических нарративов приобретает новые черты благодаря авторскому влиянию и изменениям в социальной жизни.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».